

Права человека в социальных практиках Православной церкви: социальное и политическое измерение

Статья посвящена анализу концепции прав человека в социальных практиках Русской православной церкви (РПЦ). Показаны основные направления развития этой концепции в контексте государственно-конфессиональных отношений, ее влияние на общественно-политические процессы в современной России. Проведен анализ дискурсов, формируемых на ее основе. Сделан вывод о влиянии концепции прав человека в интерпретации РПЦ на формирование российской модели светскости.

Ключевые слова: права человека, светскость, государственно-конфессиональные отношения в России, Русская православная церковь, правозащитная деятельность.

Прошло уже почти десять лет с момента появления в 2008 году «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», благодаря которым Церкви (далее РПЦ) удалось сформировать ценностную основу ряда социальных практик в России. Однако смогли ли они приобрести какое-либо реальное социальное и политическое содержание? Ответ на этот вопрос позволит уточнить специфику эволюции российской модели светскости и поэтому представляется необходимым рассмотреть его более подробно.

Кратко рассмотрим предысторию и контекст появления современной системы интерпретаций прав человека в РПЦ. На протяжении всей истории существования Церкви в Советском государстве она избегала в лице своих официальных структур поднимать проблему прав человека и их защиты. Складывалась парадоксальная ситуация: РПЦ, находясь в условиях беспрецедентного давления

со стороны государства, сталкиваясь постоянно с вопиющими случаями нарушения прав на свободу совести и вероисповедания по отношению к своим прихожанам, тем не менее была вынуждена публично отрицать факты преследования за религиозные убеждения в СССР. Более того, когда среди священнослужителей появлялись диссиденты, выступавшие за свободу вероисповедания и прекращение дискриминации по религиозным мотивам (например, Глеб Якунин, Николай Эшлиман и др.), они подвергались церковному осуждению.

С распадом Советского Союза ситуация стала меняться. Возрождение религиозной жизни в России и поиск оптимальной схемы государственно-конфессиональных отношений в новых условиях требовали ответа на вопрос, как Церковь будет относиться к религиозному плюрализму: будет ли она выступать за формирование модели «ограниченной конкуренции» и наделения отдельных религиозных организаций особым статусом, предполагающим их более широкую правосубъектность при взаимодействии с государственными институтами, или нет. Ответ на этот вопрос напрямую зависел от того, как будет интерпретироваться право на свободу совести и вероисповедания – широко, с минимальным вмешательством государства в регулирование религиозной сферы (и в этом случае поддержка Церкви должна была бы оказываться тем инициативам государства, которые формировали преимущественно конкурентную модель светскости), или узко, когда сужение конкуренции в религиозной сфере обосновывается соображениями национальной безопасности, необходимостью сохранить религиозную идентичность населения, культурной традицией и т. п. У РПЦ, которая не имела ни материальных, ни человеческих ресурсов для успешной конкуренции с зарубежными религиозными организациями, начавшими активную миссионерскую деятельность на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов, выбор решения о поддержке модели ограниченной конкуренции был предопределен. Для ценностного обоснования этой модели было необходимо интерпретировать права на свободу совести и вероисповедания в охранительном ключе, делая акцент не на гарантиях их соблюдения, а на защите их от посягательств со стороны деструктивных сект, иностранных миссионеров, разрушающих традиционную религиозную идентичность и т. п. В середине 1990-х гг. в Церкви стали все чаще говорить о необходимости перехватить повестку правозащитной деятельности, придать ей новое смысловое и мировоззренческое содержание (или, с точки зрения Церкви, наоборот, вернуть первоначальный, утраченный смысл). Эта необходимость дикто-

валась появлением все больших ценностных противоречий, на которых основывалось восприятие правозащитной деятельности со стороны церковных и светских институтов, и новых социальных практик, противоречащих традиционным моральным ценностям, защитником которых выступает РПЦ. Борьбе с новыми социальными явлениями (которые рассматривались как разрушительные для института семьи и воспроизводства населения), недопущению их легитимации в социальном пространстве, исключением их из контекста правозащитной деятельности и была во многом посвящена задача формирования собственной церковной концепции прав человека. Трансформации гендерных ролей, *правовой статус однополых союзов*, право на эвтаназию и включение ее в корпус прав человека, право женщины на аборт, расширенные интерпретации свободы творчества и самовыражения – *эти проблемы и сюжеты, которые рассматриваются европейскими правозащитными организациями как ключевые, но при этом расходятся с традиционными моральными нормами, должны быть (с точки зрения Церкви) переосмыслены с учетом мнения верующих людей*, интерпретированы с использованием собственного понятийно-объяснительного аппарата и, как результат, должны приобрести новые содержательные смыслы. И уже в этом качестве они могут и будут транслироваться Церковью и выступать, пользуясь терминологией Д. Истона, в качестве тех «требований», которые воздействуют на политическую систему и заставляют ее реагировать в виде ответных «решений» и «действий», направленных на регулирование социальных практик.

В 2000 г. были приняты Основы социальной концепции РПЦ, в которых появился раздел «Христианская этика и светское право». Затем в 2006 г. на X Всемирном русском народном соборе, действующем под эгидой РПЦ, была принята «Декларация о правах и достоинстве человека». Окончательное же завершение формирования православной концепции прав человека ознаменовалось принятием Архиерейским собором РПЦ в 2008 г. уже упоминавшихся «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека». В последующий период можно выделить 4 направления практической деятельности, направленной на реализацию основных положений этого документа.

Первое направление, о котором мы уже говорили, проявляется в формировании публичного дискурса, направленного на защиту религиозной интерпретации концепции прав человека. Его можно рассматривать шире, как попытку определять векторы развития политической культуры страны. Одновременно именно это на-

правление проявляется в международной деятельности Церкви. В структурных подразделениях ООН, ЮНЕСКО, ПАСЕ и других международных организациях представители Церкви и в первую очередь патриарх Кирилл регулярно поднимают вопросы, связанные с необходимостью учитывать мнение верующих людей при определении границ самовыражения, защите традиционных ценностей и т. п., о том, что представления о человеческой природе, которые лежат в основе европейской концепции прав человека, не разделяются большинством жителей Земли и что понятие «достоинство человека» необходимо определять с учетом религиозно-духовного и нравственного измерения. Права человека при всей своей универсальности воплощаются в различных странах с учетом культурных особенностей того или иного народа. И при формировании национальной правозащитной системы Церковь настаивает на необходимости учитывать исторический опыт и культурные традиции.

Второе направление непосредственно связано и порой может быть полностью отождествлено с социальной работой. Особенно это заметно при формировании Церковью собственной системы правозащитных организаций (например, в деятельности Правозащитного центра Всемирного русского народного собора, действующего под эгидой РПЦ). Среди направлений, по которым предполагается сотрудничество с государственными, общественными и иными организациями в области охраны прав, свобод и достоинства человека, значительную часть занимают те, которые традиционно относятся к области «сотрудничества» Церкви и государства в социальной сфере: попечение о правах военнослужащих, охрана прав ребенка, забота о лицах, находящихся в местах заключения и социальных учреждениях, защита жертв деструктивных сект. Этими направлениями работы РПЦ более или менее успешно занималась с начала 1990-х, однако только к середине «нулевых» они стали позиционироваться и в контексте правозащитной проблематики (ранее акцент делался исключительно на их социальную составляющую). Государство также демонстрирует, что именно эти направления правозащитной деятельности оно считает приоритетными, что открывает новые возможности для сотрудничества государственных и религиозных институтов в социальной сфере.

Третье направление связано исключительно с правозащитной деятельностью на международной арене. И именно здесь центральной темой становится реализация права на свободу совести и вероисповедания. В российском же дискурсе этот сюжет после

принятия в 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», ограничивающего деятельность иностранных миссионеров, отошел на периферию. В международном же контексте основными объектами защиты со стороны РПЦ становятся христианские общины на Ближнем Востоке, находящиеся на пороге физического истребления боевиками Исламского государства (Церковь регулярно с высоких трибун призывает международное сообщество обратить внимание на катастрофическое положение этих общин), и общины Украинской православной церкви Московского патриархата, которые с началом обострения конфликта на Украине в 2014 г. столкнулись с захватами храмов, происходящими при попустительстве властей, и иными фактами дискриминации.

Четвертое направление связано с такой особенностью современной церковной интерпретации прав человека, как возможность с ее помощью обосновывать необходимость ограничения этих прав. По сути, это продолжение вектора, заданного в середине 1990-х годов, когда, апеллируя к защите прав человека, выдвигались требования по ограничению деятельности иностранных миссионеров.

«Права человека защищают только свободу выбора, но ничего не говорят об ответственности человека. В результате без защиты остается свобода человека от зла», заявлял митрополит Кирилл (будущий патриарх)¹. Соответственно, чтобы защитить эту свободу, необходимо, в свою очередь, ограничить свободу самовыражения тех, кто является адептом этого «зла». И здесь уже появляется политическая составляющая, так как подобное обоснование ограничения прав перерастает в требования к государственным институтам законодательно отрегулировать подобную ситуацию.

Ярким проявлением этой тенденции стала позиция РПЦ по вопросу введения уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих. 4 февраля 2011 г. Архиерейским собором РПЦ был принят документ «Отношение Русской православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви». В нем, среди способов противодействия богохульству, отмечается обращение к органам государственной власти «для пресечения и наказания действий, направленных на осквернение религиозных символов и на оскорбление чувств верующих»². Эта позиция, озвученная также на заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ, нашла понимание и у главы государства³. В итоге были внесены изменения в статью 148 Уголовного кодекса РФ: ее содержание расширялось введением нового состава преступления (публичные действия, совершенные

с целью «оскорбления религиозных чувств верующих»). Потенциальная опасность применения новых норм в целях ограничения свободы самовыражения компенсируется с точки зрения Церкви и государства защитой традиционных ценностей и моральных императивов.

Справедливости ради необходимо заметить, что в юридической практике ряда европейских государств до сих пор сохраняются нормы, карающие за кощунство, богохульство, публичное оскорбление богослужения или объекта почитания. Однако там наличие подобных норм является исторической традицией, они зачастую носят «дремлющий характер» и фактически не применяются, идет последовательный процесс их отмены или перевода из уголовной в административную плоскость, намечены тенденции к утрате ими сугубо религиозной специфики, превращению их в инструмент защиты любых дискриминируемых общностей⁴. Другими словами, на Западе наличие норм, защищающих чувства верующих, является результатом либерализации исторически существовавших законов, карающих за богохульство, что укладывается в парадигму модернизации и секуляризации. В России же их появление по инициативе религиозных организаций (и, в первую очередь РПЦ) связано с противоположным трендом десекуляризации и усиления религиозного фактора в общественно-политических процессах.

Таким образом, процесс формирования православной концепции прав человека, начавшийся в конце 1990-х гг., к 2008 г. в целом завершился. Эта концепция, получив юридическое закрепление в программных документах РПЦ, стала ценностной основой для обоснования и/или ограничения широкого спектра социальных практик, связанных со сферой общественной обеспокоенности Церкви как в России, так и за рубежом. Политическое измерение этого процесса проявлялось в формировании Церковью специфических «требований», обращенных к политической системе России, которые в ряде случаев стали предпосылкой для изменения законодательства, что является характерной чертой российской модели светскости на современном этапе ее развития.

Примечания

¹ Выступление председателя ОВЦС Московского патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на панельной дискуссии «Права человека и межкультурный диалог» VII сессии Совета по правам человека ООН (Женева, 18 марта 2008 г.) / Правозащитный центр «Всемирного русского на-

родного собора» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravovrns.ru/?p=442> (дата обращения: 01.12.2016).

- ² Отношение Русской Православной Церкви к намеренному публичному богохульству и клевете в адрес Церкви. 4 февр. 2011 г. // Официальный сайт Московского патриархата. [Электронный ресурс]. URL: www.patriarchia.ru/db/text/1401898.html (дата обращения: 01.12.2016).
- ³ Владимир Путин встретился с участниками Архиерейского собора Русской православной церкви. 1 февр. 2013 г. // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17409> (дата обращения: 01.12.2016).
- ⁴ *Мартышин О.В.* Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (статья вторая) // Государство и право. 2016. № 2. С. 22–31.